

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В УДМУРТИИ

ИЖЕВСК — 1988

УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В УДМУРТИИ
1918—1919 гг.**

СБОРНИК СТАТЕЙ

РУКОВОДИТЕЛИ ИЖЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Как это неоднократно в истории доказывалось, во всех драматических или великих событиях, происходящих в жизни людей, немалую роль играют лидеры, направляющие ход этих событий в то или иное русло в соответствии со своими целями и задачами, идеологическими воззрениями или политическими установками.

С другой стороны, всякое общественное движение выдвигает лидеров именно такого характера и мировоззрения, такой политической ориентации, какие должны соответствовать целям и задачам этого движения.

Тема исследования жизни и деятельности лидеров Ижевского мятежа автором выбрана не случайно. Именно через них мы можем в немалой степени еще раз убедиться в антисоветском, антирабочем направлении и характере этого мятежа, получить дополнительные сведения о ходе и специфических особенностях гражданской войны в Удмуртии. Притом не только на ее собственной территории. Гражданская война для жителей Удмуртии была волею судьбы перенесена далеко за ее пределы: сначала на Урал, на втором этапе — в Сибирь, а на третьем — на Дальний Восток. Они нередко встречались и сражались «по разные стороны баррикад» в 29-й, 30-й, 21-й 28-й и других дивизиях Красной Армии, в Воткинской и Ижевской дивизиях колчаковской армии.

Актуальность рассмотрения данной темы состоит и в том, что в последнее время в условиях перестройки и гласности вновь предметом общественного обсуждения, а также утверждения новых принципов общественной жизни стали проблемы соотношения роли личности и масс в исторических процессах. И нередко под видом защиты приоритетной роли «объективных закономерностей» и отстаивания «исторической объективности» в печати, особенно периодической, стали появляться статьи, в которых порой оправдывается тяжелейший период в истории нашей страны — с 1928 по 1953 годы. Дело дошло до того, что некоторые авторы объясняют эти годы фатальной неизбежностью. В. Глаголев пишет, что «объективная закономерность исторического развития, имею-

шая тенденцию к становлению общества, исключаящего эксплуатацию человека человеком, действует помимо воли и желания отдельных исторических лиц, роль которых определяется тем, насколько полно они реализуют эту закономерность на практике. Главный фактор истории — всегда народ...»¹. Но, признавая правильность этих положений, нельзя с ними согласиться в полной мере, нельзя отрицать в истории и роль случая, прихотливой его игры, непредвиденный ход событий. Нельзя также отрицать влияние личных качеств политических руководителей, лидеров на ход истории. В. И. Ленин вполне соглашался с Г. В. Плехановым, когда тот утверждал, что конкретный облик неизбежного исторического процесса, «его физиономия» находятся в прямой зависимости от тех, кто стоит во главе этого процесса и своими руководящими действиями придает ему его повседневную форму².

Классики марксизма-ленинизма всегда считали, что законы истории не проявляются иначе, как через действия людей, наделенных определенным сознанием, имеющих реальные интересы, преследующих определенные цели и добивающихся своих конкретных задач.

И как во многих исторических событиях, в Ижевском мятеже белых, судьбе ижевских, воткинских рабочих, удмуртских крестьян в годы гражданской войны могли бы быть разные варианты, не приди в этот край эти лица, которых мы рассматриваем в этой статье. Фатальности и неизбежности в этом событии не было. Оно было подготовлено исподволь, тщательно, и урок, полученный рабочим классом Ижевска и Воткинска в те далекие годы, является актуальным и в наши дни. Нередко мы наблюдали в современной мировой истории проявление той модели, которая была использована контрреволюцией здесь в те грозные драматические и героические годы.

Ижевское восстание белогвардейцев и эсеров буржуазными идеологами, и самими повстанцами выдавалось как стихийное движение рабочих, недовольных Советской властью³. Ряд источников указывает, что это восстание было организовано и осуществлено сторонниками Учредительного Собрания, т. е. буржуазно-демократического строя. И в то же время единой оценки в этом отношении буржуазные историки не имели. Наиболее объективным, на наш взгляд, является Мельгунов С. П.*. Он пишет: «Без достаточного основания все заслуги по организации и руководству этим уральским движением деятели Комуча приписывают себе. Восставшими была формально признана власть образовавшие

* Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956) — русский историк, публицист буржуазно-либерального направления. Редактор журнала «Голос минувшего». После Октябрьской революции — эмигрант.

гося Прикамского Комитета Учредительного Собрания. Все движение отнюдь не было связано с агитацией эсеров и возникло в значительной степени наперекор официальной позиции с. д. Движение носило совершенно самобытный характер. Возникло оно в Союзе фронтовиков, где существовала нелегальная «офицерская» организация во главе с капитаном Юрьевым (монархистом по квалификации С. Р. Ракитникова. Гутман называет его соц. демократом). Получилось красивое содружество. Ко дню восстания 8 августа 200 офицеров, работавших на заводах (в большинстве, по-видимому, относящихся к местному рабочему и крестьянскому населению), организовали армию»⁴.

Мельгунов С. П. сам не имел причастности к Ижевскому восстанию и потому его утверждения можно бы подвергнуть и сомнению, поскольку они написаны на основе различных источников, в том числе и тех, которые исходили от самих участников и руководителей восстания. Например, он ссылается на одного из идейных вождей и руководителей восстания Анатолия Яковлевича Гутмана (Гана). Гутман по своим идейным убеждениям был монархистом, ярым антисоветчиком. Состоял редактором ежедневных газет «Коммерческий телеграф» (Москва), «Биржевой курьер» (Петроград), был председателем правления общества «Свободная печать». Во время гражданской войны был направлен в Воткинск, где начал издавать газету «Воткинский вестник».

Газета имела явную антисоветскую направленность. Гутман был Советской властью арестован, но при загадочных обстоятельствах ему удалось убежать. Далее в течение месяца он скрывался в Костоватах⁵, где, по всей вероятности, была конспиративная база контрреволюционеров, поскольку И. Уповалов, направленный из Москвы в удмуртский край с заданием подготовить и провести восстание, также признается, что некоторое время скрывался в Костоватах.

После взятия власти ижевскими мятежниками-белогвардейцами Гутман сразу же приступил к работе по организации выпуска газеты «Ижевский защитник», сотрудничал в ней. Далее подвизался в идеологических учреждениях колчаковской армии. Отступил вместе с колчаковцами на Дальний Восток. Во Владивостоке был членом редакции газеты «Голос Приморья». Затем сбежал в Китай. В 1921 году в Шанхае выпустил книгу «Россия и большевизм». После того, как окончательно убедился в провале бело-эмигрантского движения на Дальнем Востоке, Гутман переехал в Европу. В 1927 г. в Берлине выпустил книгу «Белое дело. Летопись белой борьбы».

Свидетель и участник Ижевского восстания, а впоследствии ее летописец А. Я. Гутман писал: «Мысль о вооруженном выступлении впервые возникла в недрах ижевского Союза фронтовиков»⁶.

«В начале августа,— пишет далее Гутман,— на тайных совещаниях ижевских фронтовиков было постановлено поднять восстание. Но так как у заговорщиков не было оружия, если не считать нескольких десятков припрятанных ружей, то было решено внезапно напасть на военные склады оружия, застать охрану врасплох, обезоружить ее. Заговорщиков было едва несколько сот человек.

Сигналом к началу восстания послужило объявление Советской властью мобилизации населения завода для укомплектования армии. Военнослужащие были взяты на учет с запрещением отлучаться без ведома властей не только из города, но даже из дома. 15 местных деятелей были арестованы в качестве заложников. Дальше медлить было невозможно...⁷.

При всей ценности свидетельства Гутмана, они все же имеют мемуарный характер. К сожалению, историкам долгое время не удавалось найти документов и воспоминаний, заслуживающих большего доверия и точно указывающих наличие заговора белогвардейцев в Ижевске. Документы, если они и были, очевидно, уничтожены при отступлении белогвардейцев в ноябре 1918 года. Поэтому автор решил обратиться в разные страны мира, где могли бы быть неопубликованные рукописи и документы руководителей Ижевского восстания. После долгих поисков удалось найти неопубликованную рукопись Д. И. Федичкина. Автор приносит искреннюю благодарность руководству Института Войны, Мира и Революции им. Гувера (Стэнфорд, шт. Калифорния, США) за любезно предоставленную возможность ознакомиться с частью документов, хранящихся в «Блоке Федичкина», и разрешение опубликовать их впервые.

Рукописи, написанные на русском и английском языках под названием «Ижевское восстание», а также ряд документов, приказов, подписанных «Главкомандующий войсками Федичкин», были переданы в архив Института Гувера 5 октября 1931 года. Часть из них в копиях теперь хранится в рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР.

Итак, рассмотрим, кто же стоял у руля Ижевского мятежа и какие задачи они ставили, хотя сразу следует оговориться, что в полной мере нам все это раскрыть пока не удалось.

Молчанов В. М.— генерал-лейтенант

Одним из видных руководителей восстания ижевцев был подполковник Молчанов Виктор Михайлович (в некоторых случаях именовался Викторин). Молчанов В. М. родился 23 января 1886 г.

в семье чиновника в г. Чистополе. Воспитывался в Елабужском реальном училище и Алексеевском военном училище, где окончил курс по первому разряду, показал свои немалые способности в освоении военных наук.

29 августа 1904 г. Молчанов поступил на службу в Московское военное училище юнкером рядового звания. 6 декабря 1905 г. был произведен в унтер-офицеры, а через год окончил училище в чине подпоручика и направлен во 2-й Кавказский саперный батальон.

6 сентября 1906 г. был командирован в Шушинский район «для содействия гражданским властям», что означало усмирение непокорных противников царского режима. 11 апреля 1908 г. командирован в состав Ленкоранского карательного отряда. После карательных операций на Кавказе 23 августа 1908 г. переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон⁸. 10 марта 1909 г. Молчанов уже командует ротой, 11 августа 1910 г. произведен в поручики, прикомандирован к 6-му Восточно-Сибирскому батальону⁹.

В ходе Первой империалистической войны Молчанов за свои военные способности и проявленную храбрость получил чин подполковника и был награжден орденом Св. Георгия 4 степени¹⁰. После Октябрьской революции Молчанов демобилизовался и по некоторым документально неподтвержденным сведениям находился в с. Алнаши Елабужского уезда Вятской губернии. Прямых свидетельств о его руководстве Ижевским восстанием пока не обнаружено, но в судьбе ижевцев Молчанов играл ведущее место, прошел с ними от Ижевска до Маньчжурии, оставив на Урале, Сибири и Дальнем Востоке печальную славу карателя и палача. Последняя должность Молчанова в колчаковской армии (уже без Колчака) — это военный комендант Владивостока и командующий Ижевско-Воткинской дивизией в чине генерал-лейтенанта. Таким образом, за два года службы он прошел много ступеней карьеры. Чины и ордена получены им не зря. Молчанов был талантливым военным. Несмотря на то, что руководимая им Ижевская бригада, а затем дивизия, непрерывно на многотысячекилометровом пути от Камы до Тихого океана участвовала в десятках решающих сражений, была ударной силой, она сохранила боеспособность, ни разу не попадала в окружение. Избежала она разгрома и на Тоболе, сумела выйти и из Красноярского мешка. «Мы встретимся с ними,— пишет Мельгунов С. П.,— в Сибири — это были лучшие части Колчаковского войска, соединившиеся с Сибирской армией генерала Пепеляева (Анатолий Николаевич.— К. К.) и эвакуировавшиеся вместе с частью населения (20 тыс.) с Родины. Под руководством Каппеля (Владимир Оскарович.— К. К.) они прошли всю Сибирь, сделали свой «ледяной поход»¹¹.

Несмотря на то, что ижевским белогвардейцам на первых порах с командующими не повезло (ни Федичкин Д. И., ни Юрьев Г. Н., заменивший первого 15 октября 1918 г. не проявили достаточных организаторских и военных способностей). Ижевская бригада при переходе к колчаковцам была уже крепкой боевой единицей. В январе 1919 г. в донесении колчаковских офицеров указывалось, что эта бригада весьма боеспособная: «1-й полк — офицеров 21, штыков 900; 2-й полк — офицеров 25, штыков 950; запасной батальон»¹². Бригада имела достаточно солидное вооружение и командующий 2-м Уфимским корпусом, куда первоначально были зачислены ижевцы, генерал Люпов С. Н. доложил в штаб командующего Западной армией Колчака генерал-лейтенанта Ханжина М. В., что «ижевцы имеют на руках 5 тысяч винтовок русского образца. Показывают в отчете 35 пулеметов, но в действительности имеют их больше в три или четыре раза»¹³.

И среди колчаковских генералов началось движение за расформирование Ижевской бригады и передачу части их вооружения другим соединениям. Попросту говоря, они еще не понимали тогда, что значит для них Ижевская бригада, именующая себя рабочей, в идеологической обработке населения России, в данном случае Урала и Сибири, а также международной общественности. Комкор Люпов С. Н. отдал приказ: «Ижевской бригаде выделить батальон, два эскадрона и 6 орудий для немедленного направления их на фронт для усиления Новотроицкого отряда».

Весьма заманчивой казалась и возможность получения богатого вооружения от ижевцев и передачи его другим.

Генерал-лейтенант Люпов в разговоре с генералом-квартирмейстером штаба Западной Армии Нарышкиным А. Я. сказал: «Вопрос в одном: как бы вооружение получить. Средств у нас для приведения в исполнение этой меры нет. Обычными же мерами, то есть посредством приказа, это не удастся сделать». Нарышкин и Люпов договорились о принятии решительных мер, если ижевцы и далее будут оказывать сопротивление¹⁴.

Остается пока неизвестным, кто из командиров ижевцев и каким путем сумел донести о заговоре Нарышкина и Люпова командующему Западной армией Ханжину, но одно ясно, что это было, и последний был вынужден направить в Ижевскую бригаду с инспекторской проверкой генерала Тимонова. Генерал Тимонов в результате инспекции выяснил, что наиболее подходящей кандидатурой в командиры бригадой является подполковник Молчанов.

Молчанов уже тогда приобрел репутацию твердого человека, безжалостно расправляющегося всякими шатаниями и разбродом. Перебежчики офицеры заявляли при допросе у красных, что «командир Прикамского полка подполковник Молчанов расстреливает всех попадающих в плен бывших офицеров — служащих в Крас-

ной Армии, и также коммунистов и комиссаров. Настроение даже среди офицеров подавленное. Обращение кадровых офицеров с офицерами военного времени самое пренебрежительное и если бы не боязнь расстрела, то очень многие из них перешли бы на нашу сторону»¹⁵.

Инспектор, возможно, увидел и многое другое. В Ижевской бригаде все же было много и рабочих, которые в любой момент могли повернуть оружие в другую сторону. Нужна особая система обработки этого материала и втягивания этих масс в глубь междоусобной войны, чтобы ни у кого не было пути отступления назад. А если и проявится какая-то ржавчина, то она должна быть тут же выведена железной рукой. Таковой является Молчанов.

И никакой речи о расформировании этой настоящей боевой единицы — Ижевской бригады, решил инспектор генерал Тимонин, не может быть. Наоборот, нужна особая тактика. Ведь ее можно назвать полностью рабочей, использовать в идеологической обработке и населения оккупированных территорий, и тех, кто находится под властью красных.

Генерал Ханжин все понял. Он немедленно направил в штаб «Верховного» соответствующие телеграммы и депеши. 20 января 1919 г. «Верховный» в Омске издал следующий приказ: «За отличия в делах против неприятеля произвести со старшинством из подполковников в полковники командующего пехотным полком Молчанова с 23 декабря 1918 г.»¹⁶.

В этот же день генерал-лейтенант Ханжин издал свой приказ НР 781: «Принять все меры к немедленному снабжению бригады обмундированием, снаряжением и зачислить на все виды довольствия при 2-м Уфимском корпусе. Выдать чай, сахар, перевязочные средства. Во временное командование допускаю подполковника Молчанова»¹⁷.

Далее с Ижевской бригадой началось настоящее заигрывание. В феврале 1919 г. генерал-лейтенант Ханжин из Челябинска в Ижевскую бригаду направил свой приказ: «Ижевцы! Вы перешли в состав Западной армии при тяжелых условиях отступления, босые и голодные. Ныне вы отдохнули. Вас одели и накормили. Наступило время нанести красным поражение... и мы должны им дать последний жестокий удар! Наша задача освободить Уфу, Самару, Сарапул, Ижевск. Я требую во имя Родины от вас нового подвига...

После освобождения Ижевского завода вам будет предоставлена возможность вернуться к своим семьям и только желающие останутся в рядах доблестной Ижевской бригады...»¹⁸.

Для ижевцев было определено повышенное жалование. Следующим приказом Ханжин отвел их бригаду в полном составе в

свой резерв и решил ее сделать ударной для прорыва оборонительных линий красных на главных направлениях. Даже знамена ижевцев отличались от остальных частей колчаковской армии: они были красно-зеленые. При этом зеленый цвет означал, по их мнению, цвет Родины, а красный — принадлежность к рабочему классу.

После отдыха и нового формирования Ижевская бригада была направлена под Уфу, где Западная армия намечала одно из своих генеральных наступлений против 5-й армии красных. Ижевцы здесь сыграли большую роль. Колчак А. В. приказом от 20 апреля 1919 г. «За отличия в делах против неприятеля произвел со старшинством из полковников в генерал-майоры по пехоте командующего Ижевской отдельной стрелковой бригадой Молчанова с 6 марта 1919 г.»¹⁹.

Вскоре в штабе Ханжина рождается еще одна идея, подсказанная настроением ижевцев и прежними обещаниями командарма Ханжина: направить Ижевскую бригаду, имеющую блестящее боевое состояние, через Мензелинск на Ижевск и тем самым закрыть пути отступления 2-й красной армии Шорина В. И. При этом, говорит генкварм Нарышкин в разговоре с Поповым А. П. — с генквармом штаба Сибирской армии Гайды Р. И., «успех под Сарапулом будет обеспечен»²⁰.

Но Западная армия взамен просила у Сибирской Омскую бригаду, поскольку Ижевская бригада — армейский резерв — должна была действовать в другом направлении и оно оголялось. А Сибирская армия не согласилась передать Омскую бригаду в Западную. В колчаковской армии наступал период эйфории, навеянной успехами и каждый генерал мнил себя Суворовым, каждый хотел урвать себе как можно больше лавров победы и мечтал въехать в святопрестольную Москву на белом коне.

Когда ижевцы узнали, что их не пускают на родной свой завод, в их среде началось волнение. Начальник штаба 2-го Уфимского корпуса подполковник Пучков Федор Абрамович докладывал Нарышкину: «Что касается ижевцев, то, по докладу Молчанова, общее их стремление на свой родной завод. Но, несомненно, можно убедить их в том, что все дороги ведут в Рим, и кратчайшее направление на Ижевск через Бирск или даже южнее, и в первый момент в их работе никаких тренировок не будет, в особенности во втором полку, составленном из крестьян, и в прекрасном артиллерийском дивизионе. Во всяком случае на правый фланг рядом с воткинцами их ставить нельзя. Дело может кончиться штыковой схваткой»²¹.

Конфликт между ижевцами и воткинцами имел давнюю основу. Ижевцы весьма сильно обиделись на воткинцев за то, что в начале ноября 1918 г., когда шел штурм Ижевска 2-й армией,

воткинцы не прислали им на помощь достаточно крепких сил и потому были разбиты красным заслоном, поставленном на тракте Воткинск—Ижевск около с. Гольяны. Но не это обстоятельство было самым главным, препятствующим направлению ижевцев в тыл Азинской дивизии.

Обстановка накалилась до того предела, что могла обернуться трагедией для Западной армии. Поэтому генерал Ханжин сам выехал в эту бригаду, раздал отличившимся ордена, побывал в лазарете, раздал им кучу обещаний о скором возвращении на родину и одновременно уговаривал ижевцев пойти на Бугульму.

В этой обстановке генерал Молчанов попал в противоречивое положение: с одной стороны, он понимал ижевцев, поддерживал их устремления, но в то же время не мог не исполнять приказы вышестоящего начальства. Он убеждал начальство прислушаться к просьбам ижевцев, одновременно готовил контрразведку и карательные органы бригады к решительным действиям.

В дальнейшем с Ижевской бригадой произошло то, что никак не входило в планы колчаковского командования. Несмотря на четко налаженную систему доносов и репрессий белой контрразведки, в бригаде, очевидно, назревало революционное настроение. Но поскольку открыто выступать было нельзя, ижевцы настойчиво требовали направить их на фронт, и именно в тыл Азинской дивизии, а пойти на Бугульму отказывались. В бригаде шли митинги, солдаты говорили о своих заслугах, требовали к себе особого отношения, напоминая об обещаниях Ханжина. Можно предполагать, что в солдатской массе были подводные течения, свидетельствовавшие о переоценке ценностей и начинающемся понимании подлинных целей колчаковской армии, а также сомнениях о верности избранного ими пути.

Положение в бригаде тревожило генерала Молчанова. Он взывал к благоразумию нового командира 2-го Уфимского корпуса генерал-лейтенанта Войцеховского Сергея Николаевича. Войцеховский неоднократно докладывал и командарму, и другим штабным работникам о состоянии в бригаде и тоже советовал мирным путем решить создавшуюся проблему. В начале апреля 1919 г. он связался с Нарышкиным и в раздражении выложил свои претензии: «Я думаю, что командующий армией не имеет основания не придавать значения моим докладам, основанным на обстановке, которую я знаю. Относительно Ижевской бригады сейчас получил донесение генерала Молчанова, из которого видно, что оба полка категорически отказались исполнять распоряжения об увольнении части людей партиями и без оружия, и предлагают самовольно уйти в Ижевск с оружием. Реальных сил с ними воевать, разумеется, нет, да и вряд ли это допустимо по причинам морально-политического свойства. Я могу только требовать исполнения прика-

зов командарма и передал Молчанову копию телеграммы генерала Щепихина в ставку»²².

Нарышкин передал просьбу командарма Ханжина выяснить «возможность выдвижения Ижевской бригады или в район Бугуруслана, или на ваш фронт». На это Войцеховский дал категорический ответ: «Ижевскую бригаду использовать на фронте или отправить в Бугуруслан не удастся. Я запрошу генерала Молчанова, но в ответе не сомневаюсь»²³.

Скандал дошел до «Верховного», который 29 апреля 1919 г. «разрешил отвести на отдых для переформирования Ижевскую бригаду в район Ижевского завода немедленно после продвижения частей Западной армии к Волге и занятия Самары»²⁴.

Но к этому времени уже становилось ясно, что колчаковская армия начала выдыхаться. К Волге она едва ли выйдет, а в том, что Западной армии не удастся занять Самару, открыто говорили не только солдаты, но и сами генералы. Ижевцы не подчинились и многие ушли домой. Опять пошли тревожные телеграммы в штаб «Верховного». 4 мая 1919 г. из Омска в штаб Западной армии врид наштаверха генерал-майор Бурлин Петр Гаврилович передал: «Часть рабочих, состоящих в рядах Ижевской бригады, самовольно оставила свои части и направилась домой в район Ижевского завода без разрешения своего командного состава. Верховный Правитель Верховный Главнокомандующий повелел всех означенных, прибывающих в район Сибирской армии без соответствующих от своего начальства строевых документов об увольнении в отпуск... на правый берег Камы не пропускать. Средоточить на левом берегу Камы в пунктах по усмотрению командармом Сибирской и его распоряжением предать суду»²⁵.

Ижевцы все-таки просочились через кордоны Сибирской армии и прибыли на родной свой завод. Генерал Молчанов добился в штабе Ханжина разрешения направить в Ижевск помощника оперативного отдела штаба Западной армии для улаживания всех дел и передачи его личной просьбы вернуться в родную бригаду и заверений, что никакие репрессивные меры к самовольно оставившим фронт ижевцам не будут применены. Одновременно генерал Молчанов попросил направить в Ижевск полковника Федичкина Дмитрия Ивановича — бывшего главнокомандующего армией Прикомуча. 15 мая Федичкин, получив командировочное предписание, выехал в Ижевск²⁶. 20 июня 1919 г. помощник оперативного отдела штаба Западной армии докладывал: «В Ижевскую бригаду начался сильный приток добровольцев из района Ижевского завода... Офицерами, командированными генералом Молчановым на Ижевский завод, было набрано ок. 3 тыс. добровольцев...»²⁷.

Таким образом, в результате хитрой тактики, продуманного

отношения к ижевцам, учета их психологии генералу Молчанову удалось вновь их собрать в Ижевскую дивизию. При этом он не уронил себя ни в глазах ижевцев, ни в глазах своего командования.

В конце июня — начале 1919 г. Красная Армия продолжала наступать по всему фронту. Западная армия Ханжина откатывалась к Южному Уралу. Бригада Молчанова расположилась в районе Петропавловского завода и перед ней командармом Ханжиным была поставлена задача «установить связь с 6-й и 7-й дивизиями и в случае необходимости поддержать 6-ю Уральскую дивизию и быстрым ижевским ударом отбросить красных, если они будут пытаться выйти к железной дороге»²⁸.

Таким образом, Ижевской бригаде был поручен самый ответственный участок фронта — железная дорога от станции Бердяш до станции Нязепетровск, а также охрана Петропавловского завода.

Но красные оттеснили части Уральской группы к реке Ай, им удалось переправиться через эту реку. Одновременно активизировали действия местные партизаны. В ночь на 1—2 июля они произвели нападение на караул у железнодорожного моста вблизи станции Куса и после перестрелки скрылись в направлении к барачной части Кусинского завода, ранив двух солдат караула²⁹.

Гнев генерала Молчанова был неописуем. И он здесь показал свой крутой нрав, очевидно, вспомнив, как проводил карательные операции на Кавказе и в Сибири. Он издал приказ: «При нападении на караулы и порчи ж. д. производить круговые (поголовные.— К. К.) аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке в выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады, как сообщников-укрывателей... Немедленно открыть огонь из всех орудий и уничтожить барачную часть селения, как возмездие за нападение в ночь на 2 июля на караул неизвестных лиц, скрывшихся в барачной части»³⁰.

Что творилось в рабочих бараках Кусинского завода, когда Ижевская бригада открыла по ним стрельбу из всех орудий — сказать трудно. В огне и взрывах погибли рабочие, женщины, дети. Такие операции проводились по приказам Молчанова по всей Сибири, кровью борцов за Советскую власть залил Молчанов и Дальний Восток. И не случайно ижевцев называли там варнаками. Молчанов разработал хорошую тактику воздействия на инкомыслищих или не желающих служить белым. В телеграмме Нарышкину 6 июля 1919 г. он сообщал: «Бригада состоит из ижевцев-добровольцев и мобилизованных Златоустовского, Бирского и Челябинского уездов. Настроение ижевцев отличное. Близко к ним и златоустовцы. Бирцы и челябинцы настроены по-большевистски, ведут агитацию против офицеров и даже есть основание,

что сдадутся при первом удобном случае, против чего приняты меры — будут пущены вперед (при атаке.— К. К.). Агенты имеются во всех частях, работают хорошо»³¹.

За свое рвение на службе, за иезуитски тщательно придуманные формы обработки и подавление всех, кто попадал в бригаду, генерал Молчанов получал награды и повышения по службе. При этом, если многие дивизии Колчака расформировывались или превращались в бригады и даже полки, поскольку разваливались под ударами красных, то бригада Молчанова по просьбе его командира была превращена в начале августа 1919 г. в дивизию³². После ряда боев, чтобы не губить такую испытанную боевую единицу, генерал Молчанов просит заменить ее Уралгруппой и приказом от 14 августа 1919 г. выводит ее, ввиду разрешения, в армейский резерв³³. В сентябре 1919 г. Ижевская дивизия получает Георгиевское знамя³⁴, «пожалованное «Верховным».

В приказе «Верховного» детально перечислялись доблести дивизии, писалось, что «боевая работа ижевцев» за все время их существования и особенно за последнюю наступательную операцию армии была выше всякой похвалы, как в целом, так и отдельных членов этой геройской дивизии»³⁵.

Но на самом деле дивизия уже представляла из себя жалкие остатки потрепанных в боях частей, не набирающая по своей численности даже бригады. Так, 16 сентября 1919 г. в ней было: 1-й полк — 405 штыков, 2-й полк — 596, 4-й полк — 228, в конном дивизионе 38 сабель, пулеметов на всю дивизию—22. Гаубичная батарея имела 1 орудие, 3-дюймовых орудий было 12³⁶. И Георгиевское знамя уже не помогло ижевцам поднять их боевой дух. В сентябре — октябре 1919 г. в кровопролитных боях на реках Ишим и Тобол белогвардейские войска, переименованные теперь в 3-ю армию, потерпели жесточайшее поражение. После потери Петропавловска и Ишима белые армии начали поспешное отступление к Омску. Но 14 ноября 1919 г. Красной Армией был освобожден и Омск. Генерал Молчанов уводил своих ижевцев по линии железной дороги. Многие из них взяли с собой и жен, отправили их в Иркутск. В районе Красноярска Красная Армия, в том числе и славная 30-я дивизия уральских казаков, созданная Блюхером Василием Константиновичем и получившая пополнение в Удмуртии, настигла остатки разбитых и деморализованных белых войск около Красноярска. Но хитрая лиса Молчанов предвидел такой вариант и успел увести свою дивизию заранее.

Удалось уйти из окружения и Воткинской дивизии, которой в то время командовал генерал Альбокринов Николай Петрович. Она тоже дошла до Владивостока. Правда, сам Альбокринов, дослужившийся в Воткинской дивизии от капитана до генерал-майор

ра, в числе других 13 колчаковских генералов 4 февраля 1920 г. под Красноярском попал в плен к красным³⁷.

Разбитые и деморализованные войска генерала Молчанова бежали в Приморье под прикрытием интервентов. Хотя японские войска в то время на словах объявили нейтралитет, на деле они всячески помогали белогвардейцам, сами принимали участие в боевых операциях против партизан. Помогли они уйти от возмездия и группе войск генерала Молчанова, которая дислоцировалась в Маньчжурии, затем во Владивостоке.

1920 год очевидно для ижевцев и воткинцев явился годом глубоких размышлений о верности выбранного ими пути. Итогом этих размышлений было решение вернуться с повинной головой в Советскую Россию. Белогвардейская газета «Свет», именующая себя «органом независимой мысли» и издающаяся в Харбине, 1 октября 1920 г. опубликовала весьма красноречивую статью под заголовком «Кто виноват». В ней писалось: «Нет, кажется, ни одного русского человека, который не знал бы, кто такие ижевцы и воткинцы, эти сверхлегендарные богатыри духа, борцы за поруганную Россию против интернационально-коммунистической заразы. Эти простые русские рабочие, сразу учувшие своим здоровым нутром подоплеку «комиссарства» и бестрепетно взошедшие на голгофу гражданской войны за Учредительное Собрание.

Они не только пошли сами, а повели за собой на страшные муки своих жен и детей. Они отдали все, что только может отдать человек. Никто, даже чехи, в свое время не вызывали у «товарищей» такой ненависти, как «изменники ижевцы и воткинцы». Ни о ком не издавал таких истерических приказов Бронштейн-Троцкий, призывая уничтожить их без разбора.

В Красной Армии весьма распространена была фраза: «Когда кончится гражданская война, все разойдутся по домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам». И вот я узнаю, что эти люди едут в Советскую Россию.

Какой умственный сдвиг или душевный перелом должны были пережить эти железные люди, каким психологическим воздействиям должны были подвергаться, чтобы решиться на этот шаг?

Ижевцы и воткинцы — эта подлинная краса и гордость русского рабочего класса, попав измученными и истерзанными во Владивосток, были предоставлены самим себе. Ни в материальном, ни в моральном отношении они не видели о себе никакой заботы и поддержки.

1500 квалифицированных рабочих перешли к большевикам, они просто с презрением отвернулись от людей, неспособных ничего создать, не умеющих говорить и мыслить по-народному и способных в лучшем случае писать длинные, сухие, никому не нужные статьи в своих академических газетах, да вести нескон-

чаемые принципиальные споры, не замечая пощечин, сыплющихся на них со всех сторон»³⁸.

Все службы белогвардейской пропаганды, контрразведки были направлены к ижевцам и воткинцам. В ход пускались все средства, в том числе угрозы и террор. Та же газета 7 октября сообщала, что «первый эшелон ижевских и воткинских рабочих, эвакуирующихся из Владивостока, остановился на станции Борзя и под влиянием агитации решил временно приостановить дальнейшее продвижение на Запад...»³⁹. Белогвардейцам все же удалось остановить уход многих ижевцев и воткинцев. Но осмысление избранного пути, очевидно, происходило не только на низах. В начале 1921 г. японские интервенционистские войска, насчитывающие в то время в Приморье 89 тыс. чел.⁴⁰, да плюс эскадра, явно готовили новое наступление. Но при этом ставку делали на продажного атамана Семенова Григория Михайловича.

Во второй половине января в Мукдене при участии Семенова, представителей Японии и Антанты был выработан план переворота и выступления в Приморье против правительства буржуазно-демократической Дальневосточной республики. Там же был назначен состав будущего правительства. После совещания атаман Семенов прибыл во Владивосток, где 8 февраля в приказе по войскам объявил о вступлении на пост главкома Дальневосточной окраины»⁴¹.

В разведсводке контрразведки Красной Армии сообщалось, что «в резкой оппозиции к Семенову находится бывший 3-й корпус, возглавляемый генералом Молчановым. С целью предупреждения раскола армии приказом по войскам Семенов смещает с должности комкора. Генерал Молчанов не сдал и, в свою очередь, отдал приказ по корпусу снять погоны»⁴².

Генерал Молчанов провел совещание с командирами подчиненных ему частей, на котором заявил: «Гражданскую войну я считаю оконченной, вы пришли сюда на отдых, но ввиду политических событий на Дальнем Востоке, когда угрожает опасность захвата со стороны Японии, нас хотят использовать как авангард или вернее как застрельщиков в борьбе с русским народом. Я, как ваш начальник, предупреждаю, что я, как русский, не могу играть на руку захватчиков и поэтому отказываюсь от какой бы то ни было борьбы с русским народом. Призываю вас разойтись и служить русскому делу, а не японцам, о чем прошу объявить всем солдатам и офицерам корпуса»⁴³.

Но единства в войсках Молчанова не было. Против него выступил каппелевец полковник Глудкин. Молчанов тоже не смог проявить достаточной твердости. Он прекрасно понимал ситуацию: достаточных сил, чтобы противостоять атаману Семенову нет, при первом же столкновении к атаману на помощь придут японцы. На

правительство Меркуловых тоже нельзя надеяться. Войск у него надежных нет. Оно предложило генералу Войцеховскому С. Н., находящемуся за границей, принять руководство созданием новой армии, но тот отказался. В рядах каппелевцев и группы Молчанова настроение против семеновцев было явным. «Среди большинства солдат сложилось мнение, что лучше идти в сопки, чем служить под начальством Семенова»⁴⁴. Выполняя приказ Меркулов-правительства, каппелевцев, полковник Ростовцев арестовал в Никольско-Уссурийске штаб семенотряда, задержал и разоружил семенотряд в 600 сабель⁴⁵. Но семеновцы тут же пожаловались японцам, а те немедленно разоружили каппелевцев. Генерал Смолин был снят со своего поста. Японцы посоветовали Семенову сначала пойти на мировую с генералом Молчановым, затем ликвидировать его⁴⁶.

Молчанов понял, что попал в крепко связанные сети и ему ничего не оставалось, как принять предложение японцев о создании из всех белогвардейских частей «белоповстанческой армии».

Генерал Молчанов объединил в свою дивизию также каппелевцев — гвардию колчаковской армии и другие части, создал 3-й Волжский корпус. Сюда входили 1-й стрелковый полк им. генерала Каппеля — 700 шт., Камско-Бельский стрелковый полк — 1200 шт., Волжский стрелковый полк — 300 шт., Ижевско-Воткинский стрелковый полк — командир полковник Ефимов — 700 шт., Ижевско-Воткинский конный дивизион, 250-й Оренбургский казачий полк генерала Панова — 400 сабель⁴⁷. Но это уже были последние потуги сохранить былую славу и чем больше старался генерал Молчанов собрать и упрочить остатки разбитых и деморализованных войск, тем больше, очевидно, понимал, что ведет работу вопреки своим убеждениям и целям. 31 мая 1921 г. приказом начальника гарнизона Владивостока генерала Лебедева город был разделен на 2 охранных района. Западным районом командовал каппелевец полковник Глудкин, а восточным — полковник Ефимов, прошедший с ижевцами весь долгий путь от Камы до Тихого океана и выслужившийся от капитана до полковника. Комендантом крепости Владивостока был назначен генерал Молчанов. Огнем и мечом пытались молчановцы вытравить революционное движение на Дальнем Востоке. Тысячи патриотов ими было уничтожено. Но положение белых с каждым днем ухудшалось. На Дальнем Востоке развернулось партизанское движение, народно-революционная армия (НРА) Дальне-Восточной республики (ДВР) под руководством главкома Василия Константиновича Блюхера двигалась в направлении Хабаровска. Генерал Молчанов понимал, что, если красных не удержать перед Хабаровском, дни его группы войск будут сочтены.

В начале декабря 1921 г. генерал Молчанов повел свои войска

на Хабаровск, 22 декабря захватил его и повел наступление на Запад, дошел до станции Ин. 28 декабря произошло сражение между войсками Блюхера и Молчанова. Потерпев поражение, белые вынуждены были перейти к обороне на рубеже Волочаевка, Верхнеспасское, станция Ольгохта. Белогвардейцы у Волочаевки спешно создали укрепленный район, имевший окопы с ледяными валами, 5—6 рядов проволочных заграждений, многочисленные пулеметные гнезда, хорошо оборудованные артиллерийские позиции. Укрепрайон генерала Молчанова был в Междуречье Тунгуски и Амура. В его белоповстанческой армии насчитывалось около 7500 штыков и сабель, 95 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда; в группе полковника Аргунова, расположенной в районе Волочаевка — свыше 2300 штыков и сабель, 37 пулеметов, 8 орудий; на правом фланге у деревни Даниловка, близ реки Тунгуска, располагался кавалерийский полк полковника Ширяева — около 900 штыков и сабель, 11 пулеметов, ему помогала группа генерала Вишневого — около 500 штыков и сабель; в Верхнеспасском и Нижнеспасском, что на берегу Амура, в боевые порядки встала группа генерала Никитина (500 штыков и сабель, 6 пулеметов и 2 орудия); в деревне Дежневка, несколько восточнее Волочаевки, были резервные войска — Поволжская бригада — 750 штыков и сабель, 17 пулеметов; в районе Хабаровска и самом городе резерв составил 2300 штыков и сабель, 22 пулемета и 1 орудие⁴⁸.

Таким образом, генерал Молчанов собрал все, что было можно и двинул навстречу НРА ДВР. Его задачей было овладеть перевалами через хребет Ванда (отрог Малого Хингана) и тогда бы он в своих руках держал ключ от Хабаровского района и всего Приморья. Ставка была очень большая. Если его войска потерпят поражение — рассчитывать больше не на что. Во Владивостоке они не сумеют закрепиться. Он может стать для них мешком. Генерал Молчанов все же надеялся на успех. Войска Восточного фронта НРА насчитывали 7600 штыков и сабель, 300 пулеметов, 30 орудий, 2 танка и 3 бронепоезда. Силы почти равные. Но на стороне белых войска преимущество укрепрайона. Противник должен иметь двойной, а то и тройной перевес, чтобы добиться успеха при наступлении на такой район. Но Молчанов недооценил руководителей Народно-революционной армии В. К. Блюхера и Павла Петровича Постышева.

В начале февраля 1922 г. Блюхер направил войска правого фланга в наступление. Бойцы шли на штурм укреплений при 35-градусном морозе, по пояс в снегу, под сильным огнем противника и, несмотря на исключительный героизм, не смогли прорвать оборону белых. Тогда Блюхер нанес удар на левом фланге позиции. Забайкальская группа красных 10 и 12 февраля овладела

Верхнеспасским и Нижнеспасским укрепрайоном, разбила на голову группу генерала Никитина. Молчанов клюнул на удочку Блюхера и направил резервную Поволжскую бригаду именно сюда, а в это время Блюхер нанес удар на Волочаевку. 12 февраля укрепления ее были взяты.

Потерпев поражение, Молчанов увел свою армию под прикрытием сильных арьергардных частей в Приморье под защиту японских войск, минуя Хабаровск, который 14 февраля был уже в руках советских войск⁴⁹.

О дальнейшей судьбе Молчанова поведал его товарищ по оружию генерал Смолин, который, как писала газета «Шанхайская заря» 19 февраля 1928 г., жил в то время в Циндао, торговал в магазине, а до этого был сторожем, жокеем. «Мой коллега, генерал Молчанов,— сказал бывший генерал Смолин,— имея несколько тысяч денег, уехал в Америку, открыл там куриный завод. Куры заболели и сдохли и имею сведения, что он окончательно погорел и теперь бедствует»⁵⁰.

Федичкин Дмитрий Иванович — полковник

Один из главных руководителей восстания полковник царской армии Федичкин Д. И. родился 9 февраля 1885 г. в семье унтер-офицера Тамбовской губернии, учился в Воздвиженской мужской школе. Особых способностей в учебе не проявлял, поэтому, очевидно, отец настаивал на том, чтобы сын поступил на военную службу, окончив военное училище.

В августе 1903 г. пытался поступить в Казанское пехотное юнкерское училище. Не выдержал приемных экзаменов. Был призван в армию и с 17 октября 1904 г. направлен на Японскую войну. 25 февраля 1905 г. был ранен в лопатку и взят японцами в плен, где находился до 29 января 1906 г. При освобождении был уволен в запас и снова подал заявление в Казанское юнкерское училище. Молодому человеку, прошедшему суровую школу войны, раненому было оказано предпочтение и он был принят.

6 августа 1909 г. Федичкин окончил училище, был произведен в подпоручики и направлен на службу в Закаспийский стрелковый батальон. 11 ноября 1910 г. был переведен на службу в 13-й Туркестанский стрелковый полк⁵¹. И вплоть до революции 1917 г. он служил в этом полку, за боевые действия во время Германской войны был награжден Георгиевским крестом IV ст. и удостоен чина полковника.

После Октябрьской революции и в период подготовки Ижевского мятежа был направлен в Ижевский завод, поскольку его хорошо знал, неоднократно здесь бывал. Женат был Федичкин на

потомственной дворянке Евгении Михайловне Мотовой, уроженке Вятской губернии.

К сожалению, пока не удалось выяснить, в качестве кого устроился Федичкин в Ижевске. В своих воспоминаниях он об этом не пишет. Наверняка жил конспиративно и готовил мятеж со всей тщательностью военной науки. Он пишет: «В целом ряде конспиративных собраний наиболее деятельных членов организации (Союза фронтовиков.— К. К.) было решено: подчиниться мобилизации лишь в том случае, если мобилизованным тут же дадут вооружение и обмундирование, чтобы затем поднять вооруженное восстание»⁵².

По своему характеру Федичкин был настоящим филистером — самодовольным мещанином, с лицемерными и ханжескими повадками. Не упускал случая, чтобы прихвастнуть, особенно тогда, когда дело касалось его личных заслуг в том или ином событии. Рассмотрим, как он описывает (притом почему-то о себе пишет в третьем лице) одно известное в нашей исторической и популярной литературе событие: «На следующий день после восстания,— пишет Федичкин,— была получена телеграмма от начальника одной станции железнодорожной ветки Казань—Ижевск, в которой сообщалось о том, что в сторону Ижевска движутся подразделения Красной Армии. Эта телеграмма была зачитана фронтовикам, собравшимся перед зданием, в котором разместился лишь недавно сформированный штаб Ижевской народной армии.

Прочитав телеграмму, полковник Федичкин быстро сформировал отряд из собравшихся фронтовиков в количестве 300 человек и без промедления выступил навстречу наступающему неприятелю.

Продвигаясь вдоль железной дороги, Ижевский отряд заметил приближающийся поезд. Ижевцы быстро рассыпались по обе стороны железнодорожного полотна, быстрым фланговым маневром окружили неприятельский поезд, залегли в траве и открыли винтовочный огонь по вагонам с обеих сторон, препятствуя высадке большевиков. Осажденные начали выпрыгивать из вагонов и тут же падали, сраженные выстрелами, бежать было некуда. Не желая добивать раненых, ижевцы предложили им сдаться. Видя безвыходное положение, большевики сдались. Всего было взято 300 человек, среди которых оказалось 20 человек ижевских, завербованных большевиками в Красную Армию»⁵³.

Фактически это был отряд Бабушкина Александра Семеновича, созданный спешно в Агрызе и состоявший всего из 40 человек, располагавшийся на одной железнодорожной платформе с мешками с песком. Единственно, что верно в описании Федичкина — это то, что начальник станции Агрыз предупредил ижевских мятежников об этом отряде и он по сути дела попал в ловушку.

20 пленных, в том числе раненый Александр Бабушкин, были схвачены белогвардейцами, помещены под заводскую башню, превращенную белогвардейцами в первый же день в тюрьму. Вскоре Бабушкин в числе других пленных был расстрелян.

Федичкин не упускал случая превозносить свою личную роль в успехах Народной армии и будучи в Ижевске. Издавал хвалебные приказы, в которых указывал, что успехи его возможны стали только потому, что он ведет борьбу за народное дело и рабочие Ижевска его всячески поддерживают в этой борьбе.

При всем этом Федичкин страшно ненавидел большевиков, лишивших его и общественного положения, и карьеры, которых он так долго добивался. Поэтому он клеветал на большевиков как только мог, называл их изменниками Родины, немецкими шпионами. Впрочем, в этом он не был оригинальным, а повторял то, что тогда использовалось всеми контрреволюционными силами.

Даже по истечении многих лет Федичкин позволил себе содрать. «7 августа 1918 г.,— писал он,— в Ижевске стало известно о взятии Казани белочехами и белой армией. В необычный час, в три часа утра, по приказу большевиков заревел заводской гудок, созывая всех на митинг, на котором был зачитан приказ Совета народных комиссаров о мобилизации в Красную Армию всех офицеров и солдат, вернувшихся с фронтов мировой войны! Вот тут-то фронтовики и объявили, согласно вышеупомянутому решению «Союза», что они не двинутся с места без винтовок, патронов и обмундирования. В ответ на это большевики начали аресты фронтовиков, вынося им смертные приговоры прямо на месте»⁵⁴.

Следует сказать, что большевиками Ижевска за весь период существования Советской власти с 27 октября 1917 г. (по ст. стилю) до 8 августа 1918 г. не было вынесено ни одного смертного приговора. Никто даже из буржуазных историков и очевидцев событий не писал об этом.

«На следующий день 8 августа,— пишет далее Федичкин,— теперь уже по приказу руководства «Союза фронтовиков», снова заревел заводской гудок, созывая всех на митинг в заводском дворе. Начали собираться фронтовики, но большевики разгоняли их, угрожая всех перестрелять, если не разойдутся. Эта свирепая угроза лишь разожгла фронтовиков. Всей толпой они бросились в цех готовой продукции, где находились уже готовые винтовки, и с винтовками наперевес выскочили во двор..., винтовочная пальба загрела повсеместно, большевиков преследовали и арестовывали по всему городу в течение 12 часов»⁵⁵.

Ход восстания достаточно полно нами описан в книге «В боях за Советскую Удмуртию», поэтому нет нужды повторяться. Чита-

телю, очевидно, будут интересными те откровения, которые имеются в рукописи.

«Прикамский комитет членов Учредительного Собрания,— пишет Федичкин,— назначил старшего по чину из находящихся в Ижевске офицеров — Георгиевского кавалера полковника Д. И. Федичкина, наделив его властью главнокомандующего всеми силами»⁵⁶.

В литературе достаточно полно описаны методы действия ижевских контрреволюционеров. Они учли печальный опыт Ярославского мятежа, проведенного под руководством б. царского полковника А. П. Перхурова и генерала В. И. Карпова в начале июля 1918 г. Когда мятежники уничтожили все органы власти даже периода Временного Правительства Керенского, они оказались в изоляции. Даже при помощи террора им не удалось провести всеобщую мобилизацию рабочих и крестьян. Наоборот, рабочие и крестьяне оказали помощь частям Красной Армии и интернационалистов в разгроме белогвардейского мятежа.

Исходя из этого опыта, белогвардейцы Ижевска всячески стремились подчеркнуть свою демократичность, не одевали погон за весь период мятежа, пытались сохранить Советы (но без большевиков) и приказным порядком установили «власть» Учредительного Собрания. Все это было не более чем игрой, но игрой, рассчитанной на людей малопосвященных в истинные цели мятежников. Как и следовало ожидать, многие рабочие вскоре разобрались в сути нового порядка. Расстрелы большевиков, эсеров-максималистов шли в каждую неделю, профсоюзы были разогнаны, Совет, состоявший из меньшевиков, бездействовал, Комитет Учредительного Собрания был полностью прикрытием кровавых дел. Логическим завершением должно было быть установление военной диктатуры, что и произошло вскоре. Чтобы положить конец развалу «народной» армии, был издан и отпечатан типографским способом, расклеен по всему городу знаменитый приказ № 18 войскам Народной армии Прикамского края от 4 октября 1918 г. В нем было буквально следующее: «Вынужден положить решительный конец шатаниям и развалу в рядах Народной Армии, приказываю: отрядам и командам, командирам и солдатам стоять на своих местах до последнего. Первый шаг назад есть измена народному делу и карается немедленным расстрелом на месте. Когда речь идет о спасении населения и борьбе за смерть с врагом, всяким колебаниям положить предел. Кто не несет свою жизнь в жертву за общенародное дело, тот не имеет право на жизнь.

Объявляю это к неуклонному руководству и немедленному проведению в жизнь.

Главнокомандующий войсками Федичкин»⁵⁷.

И все же даже такой грозный приказ не мог установить порядок в армии. Она разлагалась. Федичкин понял, что он переоценил свои способности. Командовать сразу двумя группами войск (в Ижевске и Воткинске), насчитывающими более 20 тысяч человек, он не в состоянии. По свидетельствам очевидцев, Федичкин начал злоупотреблять спиртными напитками, все больше выпускать бразды правления из рук и следовательно уже не устраивал белогвардейских офицеров, которые намеревались водворить порядок в войсках железной рукой.

15 октября 1918 г. Федичкин «по собственному желанию» сдал армию капитану Юрьеву Г. Н. и почти полностью отошел от дел. Он отступил вместе с ижевцами к Колчаку, но кроме тыловой должности ему не доверили. Ему поручали дело по набору войск, был он военным комендантом города Томска. 6 марта 1919 г. его вызвали в ставку Верховного в Омск и поручили весьма деликатное дело: командировку в штаб Западной армии генерала Ханжина. Вскоре он прибыл в Челябинск, долго болтался без дела. Наконец, 15 мая 1919 г. генерал-майор Рыбаков вручил ему командировочное удостоверение такого содержания: «Предлагаю Вам с получением сего отправиться в Ижевский завод для ликвидации дел бывшей армии Прикамского края, при чем для выполнения означенной работы представляется месячный срок»⁵⁸.

Федичкин вновь выехал в Ижевск, одновременно с поставленной в удостоверении задачи вел набор новых сил для Ижевской бригады Молчанова, укрощал тех, кто сбежал самовольно из Ижевской бригады (об этом см. в статье о Молчанове В. М.— К. К.).

Документов о дальнейшей службе Федичкина на Колчака пока не найдено. Одно ясно, что полковник, не получивший особых чинов и наград, очевидно, разочаровался в Верховном и постарался вовремя улизнуть за границу, поскольку наверняка понимал, что прощения ему за все злодеяния, гибель многих сотен ни в чем неповинных людей не может быть.

Юрьев Георгий Николаевич — полковник

15 октября 1918 г. в руководящем звене мятежников Ижевско-Воткинского района произошел переворот. Полковник Федичкин был отстранен от поста главнокомандующего и на его место взобрался Юрьев.

Одно упоминание этой фамилии у тех, кто пережил годы гражданской войны в Удмуртии, вызывало и вызывает до сих пор гнев и отвращение, презрение и ненависть. Человек, не имеющий каких-либо полководческих способностей, он сумел собрать под

свое начало отпетых головорезов, пробивая себе дорогу огнем и мечом, дослужился под началом другого авантюриста — адмирала Колчака до командира дивизии и чина полковника.

Юрьев стал героем многих художественных произведений. А. С. Алдан-Семенов в своей книге «Красные и белые» пишет о нем, как о бывшем артисте. Действительно, Юрьев был похож на Нерона, который тоже считал себя таковым и даже, умирая, лицемерил: «Какой великий артист погибает!»

Для исследователей историков Юрьев оказался полнейшей загадкой. Раз он прибыл в Воткинск, не скрывая того, что был царским офицером в чине капитана, он должен был окончить какое-то военное училище. Училищ в царской России было много. Но кропотливый труд по просмотру списков их выпускников к успеху не привел. Наконец, однажды осенила мысль: а не оборотень ли Юрьев. Он же мог прибыть в Воткинск, изменив свою фамилию. Новый поиск привел к успеху.

Юрьев Г. Н. (Бимман) родился 5 апреля 1876 г. в семье потомственных дворян Подольской губернии⁵⁹.

Давний предок Биммана прибыл в Россию еще во времена Петра I. Женился на боярской дочери, служил русскому царю. Его потомок считал себя уже русским, хотя и с гордостью носил немецкую фамилию Бимман. При Екатерине Бимманы получили давно ожидаемое дворянство и имение в Подольской (ныне Каменецк-Подольск) губернии, к концу XIX века один из наследников крупно проигрался, имение пришлось продать. Последний отпрыск «потомственных русских дворян», как сын и внук офицеров, был определен на воспитание в Киевский Владимирский кадетский корпус (это было 3 августа 1895 г.) юнкером рядового звания. 12 августа 1896 г. старательный Бимман был произведен в подпоручики Новогеоргиевской крепостной артиллерии. 16 августа 1897 г. определен младшим офицером 7-й роты, адъютантом по хозяйственной части. В это же время ему удается очаровать генеральскую дочь Софью Ипполитовну Юрьеву и получить согласие на женитьбу. Впереди рисовалась блестящая карьера. 21 октября 1899 г. жена родила дочь Елену, 2 ноября 1902 г. — Веру. Домашние расходы росли с каждым днем, а повышение по службе шло медленно. 30 апреля 1900 г. Бимман приказом по артиллерии Варшавского военного округа прикомандирован для несения службы к 3-му гвардейскому летучему артиллерийскому парку и назначен заведывающим хозяйством парка. 12 августа 1900 г. «Высочайшим приказом произведен в поручики»⁶⁰.

28 октября Бимман, уязвленный тем, что рост его карьеры происходит медленно, подает в отставку, увольняется в запас и прибывает сверхштатным чиновником особых поручений при Псковском губернаторе. Здесь он впервые убеждается, что мог

бы сделать карьеру не на стезе военного. Он производит дознания по тюремным делам, наблюдает за типографиями, книжными лавками, ведает особо доходным делом: выдачей свидетельств о политической благонадежности. Рвение Биммана замечено и 1 января 1903 г. он назначается помощником (по нынешнему заместителем.— К. К.) Псковского полицмейстера.

Бимману повезло. В августе 1903 г. в Псковской губернии проходят большие военные маневры. 10 августа на них участвует сам Августейший. Бимман назначается в охрану царя. И «всемиловитивейшие пожалованы золотые закрытые с такою же цепочкой часы за понесенные труды во время Высочайшего посещения...»⁶¹.

Мало этого, Бимман удосужился и благодарности губернатора. И, очевидно, не случайно 29 ноября 1903 г. его переводят в штаб I С.-Петербургской столичной полиции и присваивают ему «За выслугу лет чин титулярного советника». Дальнейшей карьере Биммана помешала русско-японская война. Его как артиллериста направляют во Владивосток на усиление Николаевской на Амуре крепостной артиллерии. Но Бимман знает, что на передовой убивают. Устраивается учителем учебной команды, затем заведующим мастерскими и лабораторией крепостной артиллерии. Никаких особых подвигов Бимман не совершает, но 8 июля 1905 г. приказом командующего Маньчжурскими армиями от 8 июля 1905 г. за № 1301 он награждается орденом Св. Станислава III степени. 31 декабря 1905 г. ему удается уволиться в запас и 13 февраля 1906 г. он назначается младшим помощником участкового пристава С.-Петербургской столичной полиции. 22 сентября 1906 г. приказом Орловского губернатора Бимман назначается офицером конно-полицейской стражи Орловской губернии, 20 февраля 1907 г. — полицмейстером г. Ельца, но 31 июля того же года увольняется с работы по домашним обстоятельствам и едет в Швейцарию⁶².

В сентябре 1907 г. Бимман возвращается в Россию, начинает жить в Москве. В середине 1911 г. едет по месту своего прикрепления на воинскую службу, чтобы ходатайствовать себе очередное звание. При этом обращается к царю: «Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Николай Александрович Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший.

Домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, а потому поднося у себя все требуемые на сей предмет законом документы, всеподданнейше прошу: к сему.

Дабы повелено было уволить меня из запаса в отставку с награждением следующим чином.

г. Кишинев. Бессарабская губерния.

22 ноября 1911 г»⁶³.

Но государь видно забыл о том, что собственноручно вручал своему верноподданному золотые часы. Бимман получил оскорбительный отказ.

17 января 1912 г. Московский уездный воинский начальник полковник Марков пишет по просьбе Биммана новое ходатайство начальнику Московской местной бригады «О разрешении уволить поручика Георгия Николаевича Биммана в запас по домашним обстоятельствам и присвоить очередной чин штабс-капитана»⁶⁴.

Биммана увольняют, но чин штабс-капитана не присваивают. Новый удар судьбы, очередное оскорбление от тех, кому не клянется в верноподданности.

Тем временем в Европе все более сгущаются тучи новой войны. К ней готовятся и царь России, и кайзер Германии. Внешнего повода пока нет. Но была бы лишь причина,— повод найдется. 17 июля 1914 г. (по старому стилю) в Сараево Гаврило Принцип бросает бомбу в экипаж наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, убивает наследника и его жену. Клич брошен. Первая империалистическая война началась.

В это время Бимман вновь служил в Пскове. Призывным листом губернского присутствия он призывается на действительную военную службу уже на следующий день, 18 июля 1914 г. А еще через день Германия объявляет войну России.

7 августа 1914 г. Бимман назначается в Кишиневе ротным командиром и получает вскоре звание зауряд-капитана⁶⁵. Бимману удается пока сидеть вблизи фронта, но в боях не участвовать. 12 июня 1915 г., наконец, он получает долгожданное звание штабс-капитана и назначается на службу в 413-й пехотный Порховский полк командиром 6-й роты. 7 июля 1915 г. полк выступил в театр военных действий, но ровно через месяц, т. е. 7 августа 1915 г. Бимману удается эвакуироваться в глубь России «вследствие контузии и болезни»⁶⁶.

Бимман понял, что на войне можно и другим способом заработать награды. В полках очень сильны антивоенные настроения, тайные агитаторы большевиков мутят воду, призывая кончать ее и повернуть штыки против царского режима. Бывшему полицейскому приходится много работать. Это не проходит мимо внимания начальства. 11 февраля 1915 г. его награждают «За ревностную службу и труды, вызванные обстоятельствами текущей войны орденом Св. Анны 3-й степени».

Но Бимману явно не везет. Он чувствует каждый раз при встрече с незнакомыми людьми, как его фамилия вызывает «настороженное отношение, а большинство сторонится его общества. Мешает немецкая фамилия. Он подает прошение самому царю. И «согласно повеления, последовавшего в 14 день августа месяца

1915 г. Всемиловейше разрешено именоваться с семейством по фамилии Юрьевым вместо прежней Бимман»⁶⁷.

Юрьев (Бимман) ускользнул от передовой, где рвутся снаряды, разносятся по ветру отравляющие газы, где вши уносят больше людей, чем боевые действия. Он живет на юге, лечится от воспаления седалищного нерва, которое все более усиливается. Врачи ничем не могут помочь. Он проходит одну комиссию за другой. Наконец добивается определения инвалидности третьей категории.

Безделие в Ялте под видом лечения ему тоже надоедает. Неумная жажда власти и положения в обществе требует действия. И Юрьев вновь обращается к старым коллегам из жандармского управления, которые советуют ему ехать «лечиться» в Швейцарию, где собрались русские эмигранты-заговорщики. Служителей 3-го отделения особенно интересует, по каким каналам поступает оттуда крамольная литература.

Юрьев переодевается в пестрый заграничный костюм, но надежд 3-го управления ему не удается оправдать. По возвращении из-за границы коллеги из жандармского управления не скрывают своего раздражения и дают понять, что пути теперь расходятся. Поэтому Юрьев вновь решает податься на военную службу и находит дело, близкое к своему сердцу: состоит в качестве члена военно-полевого суда, утвержденного при начальнике гарнизона города Бердичева.

В конце февраля 1917 г. Юрьев получает жесточайший удар: восставший народ свергает царя. Самодержец вынужден отказаться от престола. Но шоковое состояние быстро проходит. Юрьев вновь «переодевается» и начинает выступать на митингах, провознося революционные лозунги, называет себя даже социал-демократом. Он теперь благодарен себе, царю и судьбе, что удалось вовремя избавиться от прежней фамилии, поскольку многие его коллеги жандармы оказались в тюрьмах.

В конце июля 1917 г. в Бердичев приезжает агент монархистов, который излагает план освобождения Николая II и его семьи. Задание Юрьеву: внедриться в г. Воткинск, устроиться на квартире у обывательницы Софьи Александровны Рацевич-Стакевич, улица Заводская, дом 8, устроиться в заводууправлении, подобрать себе агентуру и ждать условного сигнала. Когда освобожденного самодержца поведут обратно к Москве, во всех пунктах его обратного пути должны быть подняты восстания. Восставшие присоединятся к новому войску царя и лавой пойдут на Москву, а затем — на Петроград.

12 августа 1917 г. начальник 10-й рабочей бригады генерал-майор Николаев ходатайствует в главный штаб «О назначении пенсии штабс-капитану Юрьеву Георгию Николаевичу из Сара-

пульского уездного казначейства Вятской губернии». Юрьеву была назначена пенсия в сумме 203 рубля 68 копеек. По сравнению с тем, что он получал на службе — 1608 рублей — это было жалким пособием, но те, кто его послал на тайное дело, побеспокоились о материальном обеспечении своего агента. А если свершится намеченное, о дальнейшей судьбе ему не надо будет вообще беспокоиться. Главное, чтобы он не засветился. А то, что в таком захолустье, как Воткинск, о существовании которого Юрьев до сих пор вообще не знал, не докопаются до его прошлого, Юрьев был вполне уверен.

Вскоре он, в который уж раз, снял офицерский мундир, тщательно упаковал свои прежние документы, медали и ордена, оставив только один орден Святого Станислава, наказал жене Софье Ипполитовне беречь все это как зеницу ока, облачился в артистическое одеяние, взял трость с фальшивым камнем в набалдашнике и пустился в долгий путь с фальшивой миной на лице, фальшивой биографией в голове, но с вполне конкретными целями и задачами.

Уже через семь дней он появился на Воткинском заводе и немедленно был принят на работу корреспондентом «Материального стола» Воткинского машзавода.

Когда при Горном начальнике воткинского завода возник коллективный орган вроде делового Совета, Юрьев был уже назначен секретарем этого Совета. Но Совет заседал очень редко, у работников заводоуправления, по воспоминаниям одного из служащих завода Петра Луппова, складывалось впечатление, что этот Совет создан именно для того, чтобы трудоустроить Юрьева и дать ему возможность беспрепятственно проникать на завод и творить свои дела⁶⁸.

Когда свершилась Октябрьская революция, в Ижевске власть к большевикам перешла уже на вторые сутки, а в Воткинске еще до января 1918 г. хозяйничали меньшевики и эсеры. Когда, наконец, в январе большевики в Совете получили большинство и выбрали своего председателя, в городе начали проводить реквизицию имущества купцов и промышленников.. Но проводилось это очень робко, нерешительно. А противники эсеры и меньшевики не упускали ни одного случая, чтобы помешать им или опорочить их в глазах обывателей города. Печатный орган раскололся на два. В газете «Заря» проводили свои принципы социал-демократы, а в другом — «Искре» — социал-революционеры. Вскоре оба эти органа прекратили свое существование. Исполком Совета начал выпускать газету «Путь», а эсеры — «За народ». Эта газета встала в открытую оппозицию к Исполкому и его печатному органу, открыто травила партию большевиков и самую власть Исполкома. Издавал ее бывший царский офицер Нилов. Решением

Исполкома газета эсеров была закрыта, редактор выслан из Воткинска.

Но разложение рабочей массы на этом не прекратилось. В городе кто-то умелой рукой направлял антисоветскую деятельность, разносились различные слухи о бесчинствах большевиков, о том, что в разных концах страны Советская власть уже свергнута.

Когда прибыла директива о создании частей Красной Армии и направлении их на чехословацкий фронт, многие неустойчивые элементы стали выходить из партии. Ряды партийной организации, призванной руководить всей заводской жизнью, редели с каждым днем. Эсеры и меньшевики воспользовались этим, но поставили вопрос о переизбрании Совета. Состоявшиеся выборы принесли большевикам поражение. Вятский губисполком телеграфом известил о роспуске эсерово-меньшевистского исполкома и предписал старому оставаться на местах.

Но самое главное, материальное снабжение завода — основа основ его жизни — стало ухудшаться, а вслед за этим и материальное положение рабочих. А это в конце концов могло привести к кризису и порождению недовольства Советской властью со стороны всех трудящихся. Командовали заводом, как и раньше, инженеры Пшеничных и Першке.

Решением Советской власти должность Горного начальника на заводе была упразднена, но решительных изменений не произошло. Технические специалисты негласно саботировали все решения Советской власти. Секретарем коллегии заводоуправления был утвержден Юрьев. Теперь он был в курсе всех дел, происходящих на заводе, более того, мог активно влиять на них. Юрьеву удалось остаться секретарем коллегии даже после перевыборов председателя, когда таковым стал рабочий — большевик с 1914 г. Бердников Григорий Емельянович.

Юрьев с этого момента стал одеваться по другому: носил картуз и темно-синюю потертую блузу. В производственные дела завода он старался активно не вмешиваться, но все, что происходило там, знал. Нередко уезжал «по делам» в Ижевск, обзаводился новыми знакомыми. Одним из близких друзей его стал управляющий отделом труда завода Колдыбаев Александр Николаевич. Но в середине мая 1918 г. эти два человека вдруг рассорились и дошли до взаимных угроз. Юрьев в комитет профсоюза написал заявление: «13 мая 1918 г. мне совершенно случайно стало известно постановление Комитета Союза служащих об увольнении от службы гражданки Софии Александровны Рацевич-Стакевич, именуемой почему-то комитетом моей «гражданской женой».

Я слишком брезглив, чтобы после подобного постановления вступать в полемику с Комитетом Союза служащих..., но я про-

служил делу народа 22 года, из коих 5 лет провел в двух кампаниях и был трижды ранен в боях, не могу молчать, когда люди, именующие себя передовыми бойцами за свободу, равенство и братство, берут на себя обязанности палачей и сыщиков. Вам, извините, за выражение, «товарищи», нужна жертва, Вам, «господа социалисты», нужна легкая практика для сыска и ассенизационной работы. Пожалуйста, я к вашим услугам. Но не выносите Ваших постановлений втихомолку, из-за угла. Призовите меня к ответу, как это подобает джентельменам и культурным гражданам, и я Вам дам честный и безбоязненный ответ: действительно ли С. А. Рацевич-Стакевич моя жена, живущая у меня и на мои средства или нет...

Вам, претендующим на высокое и почетное звание «социалистов», не может быть даже понятно, как глубоко вы грязните это чистое знамя социализма и его искренних и действительных адептов (ревностных приверженцев.— К. К.).

...После всего этого членский билет Союза равносителен для меня профессиональной карточке сыщика или красной рубашке палача.

Одновременно с подачей этого заявления Юрьев швырнул на стол председателя свой профсоюзный билет.

На следующий день в коллегия управления Камско-Воткинским горным округом поступило заявление управляющего отделом труда завода Колдыбаева, в котором тот писал: «На заседании коллегии Юрьев сказал, что люди, такие, как я, подписавший протокол общего собрания членов Союза служащих, как председатель такового, не социалисты, а подлецы и мерзавцы, которых он будет стрелять».

Скандал, кажется, грозил принять нежелательный оборот. Его разбирали и в комитете профсоюза, и в коллегии заводоуправления. Но ко всеобщему удивлению, он также быстро потух, как и вспыхнул. Юрьев извинился перед Колдыбаевым и согласился с тем, что С. А. Рацевич-Стакевич была уволена правильно и он, как настоящий джентльмен, чувствующий перед ней свою вину, берет ее материальное обеспечение на себя. Поступок кое у кого даже вызвал восхищение. Но никто, кроме устроителей этого скандала, не знал, что это был блестяще сыгранный спектакль, что под личиной Юрьева и Колдыбаева скрываются не социалисты, а будущие страшные палачи. Этот фарс нужен был для того, чтобы усыпить бдительность органов охраны Советской власти, ибо в стране наступали тревожные дни. Чехословацкий экспедиционный корпус восстал против Советской власти. Час освобождения царя близок, надо действовать. Мало ли на какое подозрение толкнет близость Юрьева и Колдыбаева?

Юрьев каждый день ждал условного сигнала от Н. Е. Маркова — руководителя монархистов-офицеров и черносотенных орга-

низаций. Пришло сообщение, что царь Николай II вместе с семьей из Тобольска переведен в Екатеринбург. Второе сообщение не на шутку встревожило Юрьева: в Перми расстрелян великий князь Михаил. Надо бы скорее действовать. Ведь всем ясно, что при приближении чехословаков к Екатеринбургу с Николаем II произойдет то же самое. Нужен хороший десант, который бы использовал подпольную организацию. Но Юрьев вынужден сидеть здесь и все ждать и ждать.

Опасения монархиста Юрьева оказались не напрасными. При приближении чехословаков и белогвардейцев революционный совет Екатеринбурга принял решение о крайних мерах. 17 июля в подвале дома купца Ипатьева царь и его семейство были расстреляны. Эта жестокая мера была вынужденной в тех условиях, когда одно имя царя использовалось в контрреволюционных целях для объединения всех сил, действующих и сознательно, и не сознательно против Советской власти.

Но перевертыш Юрьев недолго справлял траур по убиенному своему кумиру. Вскоре он примкнул к Савинковскому «Союзу спасения Родины и Свободы», который действовал под прикрытием легального Союза фронтовиков, созданного во многих городах России, в том числе в Ижевске и Воткинске.

8 августа особо законспирированная белогвардейская организация офицеров подняла в Ижевске мятеж. 17 августа экспедиционный отряд ижевских белогвардейцев при активной помощи воткинских заговорщиков во главе с Юрьевым захватил Воткинск. 18 августа на площади перед заводоуправлением был зачитан приказ, что комендантом города Воткинска назначен штабс-капитан Г. Н. Юрьев.

Вскоре Юрьев создал новые органы власти, аресты шли по всему городу. Начальником контрразведки Юрьев назначил А. Н. Колдыбаева. Распорядителем на заводе вновь стал инженер Першке, перекинувшийся к белым.

Первыми жертвами Юрьева стали заместитель председателя Исполкома Совета Константин Казенов, его отец и сестра, председатель завкома профсоюза Иван Швецов, председатель Воткинского комитета большевиков С. С. Сипугин и другие.

Арестованных было так много, что не хватало места для их размещения. Юрьев додумался загнать их в плавучие железные баржи. Четыре баржи были спущены по р. Вотке к южной окраине поселка и поставлены в районе бывшей бойни. До поздней осени 1918 г. по приказу Юрьева туда бросали людей, держали без света, в сырости, на голодном пайке. По ночам вызывали на допрос или просто расстрел. Расстреливали, прокалывали штыками вначале на 16 версте, у Камы, за железнодорожной насыпью и тут же на берегу Вотки, среди полениц дров. В казни людей не-

редко участвовал сам Юрьев, но главным исполнителем его приказов был палач Колдыбаев.

Одновременно с проведением кровавых оргий Юрьев лихорадочно вел работу по созданию белогвардейской армии. За короткий срок при помощи кадровых офицеров царской армии ему удалось поставить под ружье около 5 тысяч человек. В конце августа и первой половине сентября части Особой Вятской дивизии Степана Ивановича Малыгина и начальника штаба III армии Юрия Юрьевича Аглока (особая бригада) неоднократно пытались наступать на Воткинск. Но хорошо поставленная разведка Юрьева всегда вовремя предупреждала о движении красных войск и воткинские мятежники проводили весьма удачные операции, рассчитанные на устройство ловушек для красных. Об этом Юрьев весьма красноречиво пишет в газете «Прикамье» (формально орган Прикамского Комуча, фактически газета белогвардейских мятежников.— К. К.) 13 сентября 1918 г.

«Выяснив окончательно силы и расположение противника, который группировался для удара севернее села Бабки силою до 1200 штыков, при трех орудиях и десяти пулеметах. Наш отряд под командой Г. И. Мудрынина, не ожидая начала наступления со стороны противника, повел таковое сам. В 4 часа 30 мин. утра 10 сентября были выпущены три сигнальных ракеты, что означало общее наступление по всему боевому участку. Без единого выстрела наши цепи приблизились к передовым частям противника... В это время на правом фланге противника показалась наша обходная колонна, высланная до начала боя для удара во фланг и тыл. Обезумевшие от страха красноармейцы бросились бежать, бросая оружие, снаряжение и боеприпасы... Командир роты с обходной колонной бросился на тыл противника и захватил часть его обоза. Прикрытие красноармейского обоза пустилось бежать к реке Каме, стараясь спастись вплавь, но было все перебито и потоплено в реке.

Некоторые наши отряды гнали противника до Ножовки. Трофеи около 100 тысяч патронов, несколько пулеметных лент, четыре вполне годных пулемета, 13 лошадей, конская сбруя, пять фонических телефонов полевых с проводами, более ста штук винтовок, 250 штук ручных гранат, три походных кухни с горячей кашей, до ста пудов мясных и других продуктов...

Потери у противника убитых до 350 человек, из них до 200 китайцев... Среди убитых почти весь штаб и командный состав противника...

Наши части с боем заняли село Фоки-Богородское и продвинулись на линию с левой стороны до села Дубровского и с правой — до Михайловского завода, войдя в связь с Ижевскими войсками. Начальник штаба армии Юрьев»⁶⁹.

Эта победа над отрядом Особого назначения Аploка еще более укрепила позиции Юрьева и он теперь рвался к рулю власти во всем Прикамье. Методы работы его мало чем отличались от известных случаев в истории.

«Само собою разумеется,— писал в свое время Г. В. Плеханов,— что человек, возводимый событиями в звание диктатора, должен был с своей стороны неутомимо пробиваться к власти, энергично расталкивая и беспощадно давя всех, заграждавших ему дорогу»⁷⁰.

Это было написано о Наполеоне Бонапарте. Но то же можно было сказать и о нашем «герое».

15 октября 1918 г. капитан Юрьев сместил с командования полковника Федичкина. Методы работы прежнего диктатора новому показались слишком мягкими и малодейственными. Юрьев приехал в Ижевск и первым делом посетил тюрьмы и места заключения большевиков и противников бело-эсеровского режима. Увиденное возмутило нового главнокомандующего. 26 октября он издал приказ следующего содержания: «Арестованные большевики г. Ижевска занимают, оказывается, чуть ли не все лучшие помещения в городе и содержатся не так, как они этого заслуживают. Подобный порядок считаю недопустимым, а потому приказываю начальнику контрразведки, совместно с комендантом города, приступить к оборудованию соответствующего числа барж на заводском пруду и приспособлению их под плавучие тюрьмы также, как это сделано в г. Воткинске.

Режим для арестованных большевиков и прочего уголовного сброда, продающего Россию и русских граждан немецким варварам, должен соответствовать режиму каторжников, содержащихся в каторжных тюрьмах за тяжчайшие виды преступления. Никаких свиданий и переписки с арестованными, а также прогулок отнюдь не допускать. Пусть на себе эти изверги испытают всю прелесть декретов «товарищей Ленина и К⁰». В данном деле «товарищи» комиссары найдут во мне верноподданного и точного исполнителя их рецептов, изготовленных их адской лабораторией для мирных русских граждан, рабочих и крестьян.

Главнокомандующий армиями Прикамского края Юрьев, Начальник штаба главнокомандующего подполковник Альбокринов. Адьютант штаба главнокомандующего штабс-капитан Александровский»⁷¹.

Что же так сильно возмутило в положении ижевских узников Юрьева? Может быть для них действительно были установлены райские условия? На самом деле тюрьмы Ижевска были страшнее царских каторжных тюрем. Почти каждую ночь арестованных выводили на допрос, нещадно били и в каждую неделю объявляли, что «главари казнены».

Но после того, как пришел к власти Юрьев, наступили еще более страшные дни белого террора. 23 октября были арестованы белогвардейцами 22 человека крестьян Банниковых из дер. Болгуры Июльской волости и посажены при Ижевском военном отделе, где уже находилось 450 человек арестованных раньше. Белогвардейцы искали одного Банникова, в чем-то провинившегося перед ними, и не зная какого именно Банникова им нужно, арестовали 22 человека. Их выстроили в один ряд, продели сквозь связанные руки веревку, чтобы они не падали и начали сечь ременными кнутами, на концах которых была вплетена картечь... Семь человек пали мертвыми. Остальных, без живого места на их телах, увели в камеры и там продолжали истязать. Чтобы истязаемые не падали, около каждого были поставлены с разных сторон часовые с направленными на них штыками. Стоило кому-то повалиться, как он подхватывался на штык. Все Банниковы были убиты в эту кровавую ночь⁷².

Жертвы Юрьева в Прикамье описать трудно. Только в Воткинске было убито более тысячи человек. Когда Надежда Константиновна Крупская поднялась по Каме на пароходе «Красная Звезда» и участвовала на митинге в Воткинске, она не могла скрыть ошеломления и горя увиденным и услышанным. В дневнике она написала: «Когда запели «Вы жертвою пали», раздались рыдания: в редкой семье нет убитых белыми... Были расстрелы даже ребят 13—14 лет»⁷³.

Позднее в своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала: «Там, где побывали белые, ненависть к ним населения была безгранична. Никогда не забуду я митинга на Воткинском заводе, где белые перестреляли чуть не всех подростков... И тысячный митинг, созванный нами на Воткинском заводе, весь рыдал, когда пели «Вы жертвою пали»... Не забуду я никогда... о тех бесконечных насилиях, издевательствах, о которых рассказывали жители Прикамья...»⁷⁴.

Под ударами войск Красной Армии Юрьев вынужден был отступить из Воткинска, перейти на левый берег Камы. Притом ижевцы и воткинцы разделились. Конфликт между ними разгорелся вследствие того, что воткинцы не смогли оказать действительную помощь ижевцам при наступлении на Ижевск Азинской дивизии. Главнокомандующий войсками Прикомуча Юрьев не сумел разобраться в тактике командарма-2 Шорина Василия Ивановича, запланировавшего главный удар с юга Ижевска. Юрьев ожидал, что главный удар будет по Воткинску, и казалось, все для этого сделано: по Каме ведет наступление Особый отряд Ю. Ю. Аploка, с Мишкино — 7-й Баусский латышский полк и войска Особой Вятской дивизии, со стороны Черного и Светлого — полк им. Володарского, также входящий в Особую Вятскую ди-

визию. Атака же на Ижевск была столь стремительно-неожиданной, что Юрьев при всех лихорадочных попытках ничего не смог предпринять против, а когда Ижевск красными был освобожден, он понял, что дни его армии сочтены. Уже на вторые сутки он начал переправу войск через Каму, к 13 ноября ушли из Воткинска последние его арьергарды.

Через полтора месяца Юрьеву удастся связаться с колчаковскими войсками, войти со своей группой войск в армию Колчака. В январе 1919 г. в сводке, подписанной врид начштаба Западной армии подполковника Нарышкина, даются такие сведения: «Воткинская дивизия. Начдив Юрьев (кадровый офицер 1916 г. слаб. Наштадив подполковник Альбокринов. 1-й Воткинский полк — 5 офицеров, 1800 штыков, 2-й полк — 17 офицеров, 1400 штыков, 4-й полк — 9 офицеров, 1300 штыков, Запасный батальон — 3 офицера, 600 штыков, 8-й отдельный эскадрон — неизвестно что представляет. Артиллерия — 15 орудий (2 гаубицы, 2 горных, 11 легких)»⁷⁵.

Таким образом, под началом Юрьева даже после того, что он провел неудачные бои под Щучьим Озером, где получил поражение от Азинской дивизии, было около 5,5 тыс. человек. Но Юрьев терпел одно поражение за другим. По сводке колчаковской армии «4 января красные в 14 часов повели наступление большими силами при 4 орудиях... и потеснили части воткинцев на линию Васино и Шимово. В 13 час. красные повели наступление вдоль железной дороги. В то же время был пущен отряд на лыжах в обход д. Щучье Озеро (при станции) лесом. Воткинцы после боя у д. Щучье Озеро — с. Алмаз оставили эти пункты»⁷⁶.

6 января 1919 г. генерал-лейтенант Люпов направил из Челябинска в Уфимский корпус срочную телеграмму: «Совершенно необходима поддержка воткинцев. Приказываю вам немедленно перейти в наступление на фронт Атерский Ключ — Верх. Атерское для поддержания сводной дивизии по Алмаз»⁷⁷.

В этот же день генерал Люпов направил генералу Голицыну другую телеграмму, в которой попросил известить Юрьева через штаб Сибирской армии Рудольфа Гайды о своем предыдущем приказе и еще раз подчеркнул, что «необходимо держать в наших руках фронт Щучье Озеро — Аскин. Иначе противник может отрезать нашим частям тыловую путь и создать панику. В случае обхода красными справа нашей группы у Аскина парировать этот удар нечем. Ижевская бригада, находящаяся в районе Биабаш, нами отводится в тыл, как небоеспособная. Держать эту бригаду вблизи фронта крайне опасно по причинам, изложенным мною сегодня в шифрованной телеграмме»⁷⁸.

6 января Воткинская дивизия была переведена в Сибирскую армию. Через день генерал-майор Богославский в Челябинск

сообщил, что «воткинцы отходят совершенно без боя. Чтобы остановить и поднять их дух, необходимо выдвинуть к ним регулярную часть, иначе потеряем всю дивизию. В силу такой обстановки генерал Гайда вынужден был выслать два батальона 46-го полка... Воткинцам вчера приказано перейти в наступление на Щучье Озеро, а в результате они оставили и д. Баскину и отошли на Богородское»⁷⁹.

В штабах обеих армий не могли понять в чем дело. Требовали объяснений от Юрьева. С ним связался начальник штаба Западной армии генерал Щепихин. Юрьев, поднаторевший на том, что все победы приписывал всегда себе, а в поражениях обвинял других, объяснил положение следующим образом: «У меня в армии случилось чрезвычайно тяжелое происшествие под влиянием провокационной агитации моего соседа справа партизана Борчанинова. Как теперь удалось выяснить, он в последние дни уговаривал мой лучший Воткинский полк уйти с позиции и перейти к нему... Под влиянием его агитации весь первый Воткинский полк и эскадрон Рябкова и Вдовина — лучшие части армии открыли фронт и ушли по направлению к Богородскому. Положение оставшейся части критическое. Послал эскадрон арестовать Борчанинова, но боюсь, что будет поздно. Обо всем сообщаю начдиву Иркутской, которого просил неоднократно принять меры против Борчанинова, т. к. по имеющимся у меня сведениям, последний действует в пользу красных. Пока остаюсь со штабом в Щучьем Озере. Но, по некоторым данным могу предполагать, что рискую быть арестованным со штабом по распоряжению Борчанинова. Противник большими силами продолжает теснить наши части. Сейчас получил сведения, что делегаты Борчанинова приехали в Сайгатский полк продолжать свое подлое дело. Не уверен в том, что и сайгатцы не последуют примеру первого полка. Прошу срочно Вашего указания, а главное — содействия через Главверха»⁸⁰.

В этом разговоре Юрьев весь как на ладони. Он и не виноват в случившемся, ему надо обязательно оправдаться не только перед непосредственным начальством, но перед самим Колчаком — главкомом.

Вопли Юрьева не остались без внимания. Положение на фронте около Щучьего Озера было выправлено. Юрьеву Колчак своими личными приказами от 24 и 29 января 1919 г., т. е. в течение одной недели, дважды повысил звания и из капитанов произвел в полковники. Он также наградил Юрьева Георгиевским крестом и написал ему личное благодарственное письмо⁸¹.

Колчаковское командование срочно приняло меры для обмундирования Воткинской дивизии и создало ей особые условия. Вот-

кинцы получали по 300 рублей, а в других войсках — по 40 рублей в месяц⁸².

Судя по документам колчаковской армии, полковник Юрьев командовал Воткинской дивизией до июля 1919 г. Данные подтверждаются и разведсводками красных войск. 24 июня 1919 г. по показаниям пленных Осинского и 4-го Воткинского полков Воткинской дивизии, взятых в районе Марасаны (55 верст от Воткинского) во вновь сформированной Воткинской дивизии 4 полка по 3 батальона в 4 роты в каждой. В ротах по 40—50 штыков, состав полков—мобилизованные Воткинского завода и района. Добровольцев немного. В Осинском полку якобы 3 пулемета и 4 бомбомета. Комполка поручик Жуланов. Дивизия в последнее время находилась в резерве в районе сев. вост. Воткинска, откуда ей было приказано отходить в направлении на Оханск. Из воззвания комкора 8 генерала Панова к жителям Воткинского района выясняется начало, на которых была сформирована эта дивизия: добровольцам обещали оклад в 420 руб. в месяц и роспуск по домам после того, как красные будут отброшены за р. Каму и Вятку. Начдивом Воткинской назначен полковник Юрьев⁸³. В июле месяце совершенно потрепанная Воткинская дивизия, в которой дезертирство стало массовым явлением, была укреплена новым пополнением. В нее вошли Казанский, Лаишевский и Чистопольский полки, а от самой Воткинской дивизии остался только один Воткинский полк.

По документальным данным от 12 июня 1919 г. генерал Панов устранен от командования 8-м корпусом и на его место назначен начдив 15-й Воткинской полковник Юрьев⁸⁴.

Дальнейшая судьба Юрьева для нас остается пока неизвестной. По некоторым неподтвержденным документально данным, Юрьев погиб. Не было его и среди 56 человек высших офицеров, взятых в плен в Красноярском котле. Нет его фамилии и среди тех, кто прошел до Маньчжурии и Владивостока. Воткинской дивизией в дальнейшем командовал полковник Михайлов, наштабдивом был капитан фон Бах⁸⁵.

Таким образом, Юрьев — полуполицейский, полувоенный, оборотень и перевертыш, беззастенчивый авантюрист и ловкач омерзительной и страшной кометой пронесся на политическом небосклоне Удмуртии. Черные и кровавые следы его остались в сердцах тысяч людей. Руки этого палача обгарены кровью десятков тысяч лучших сынов и дочерей Прикамья. Другой памяти в истории ему нет и не может быть.

* * *

При всей индивидуальности характеров, руководители Ижев-

ского мятежа имели много общих черт, что свело их вместе на путях истории и привело к одинаковому финалу.

По социальному положению все они принадлежали к мелкобуржуазному сословию, которое всегда стремится и мечтает выбиться в привилегированное меньшинство и когда оно в какой-то степени достигает своего влияния в обществе и вдруг его лишают этого влияния, оно чаще всего становится на реакционные позиции, проявляет небывалую активность в борьбе за защиту своих интересов. Все три руководителя Ижевского мятежа сумели достичь в жизни некоторых успехов, подняться на некоторую ступень служебной лестницы. И вот революция лишила их и этого. И они превратились в ожесточенных и опасных противников революции. Они поставили на карту все, применяли крайние меры насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, использовали, с одной стороны, страшный террор, с другой — воинствующий антикоммунизм, шовинизм. Добиваясь достижения своих личных целей, фактически они служили террористической диктатуре самых реакционных сил монополистического капитала, сохранению капиталистического строя в России.

Существенной чертой их идеологических приемов была крикливая демагогия для маскировки своих истинных целей. С проявлением всех этих признаков История встретится в последующие годы в Италии, Германии, Испании и Чили.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ Газета «Правда», 1988, 10 января.

² Плеханов Г. В. Избранные произведения.—Т. II.—М.: Политиздат, 1956.—С. 330.

³ См.: Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию. 1982.—С. 24—28; 259.

⁴ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. I.—Белград, 1930.—С. 108.

⁵ Гутман (Ган) А. Я. Белое дело. Летопись белой борьбы.—Берлин, 1927.—С. 159.

⁶ Там же.—С. 150.

⁷ Там же.—С. 151.

⁸ Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).—Ф. 409, оп. 1, д. 27746.

⁹ Там же, оп. 2, д. 15878.

¹⁰ Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА).—Ф. 39499, оп. 2, д. 223, л. 17.

¹¹ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 108.

- ¹² ЦГАСА.— Ф. 39499, оп. 2, д. 39, л. 55—56.
- ¹³ Там же, д. 154, л. 237—238.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ЦГАСА.— Ф. 185, оп. 3, д. 946, л. 107.
- ¹⁶ Там же, ф. 39499, оп. 2, д. 2, л. 38.
- ¹⁷ Там же, д. 202, л. 19.
- ¹⁸ Там же, д. 60, л. 130.
- ¹⁹ Там же, д. 26, л. 51.
- ²⁰ Там же, л. 64.
- ²¹ Там же, л. 236.
- ²² ЦГАСА.— Ф. 39499, оп. 2, д. 27, л. 67.
- ²³ Там же, л. 7.
- ²⁴ Там же, д. 10, л. 18.
- ²⁵ Там же, д. 10, л. 6.
- ²⁶ Рукописный фонд Института войны, мира и революции им. Гувера.— Стэнфорд, шт. Калифорния, США. Блок Федичкина.
- ²⁷ ЦГАСА.— Ф. 39499, оп. 2, д. 20, л. 320.
- ²⁸ Там же, д. 16, л. 74.
- ²⁹ Там же, л. 56.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, д. 16, л. 109.
- ³² Там же, л. 336.
- ³³ Там же, л. 338.
- ³⁴ Там же, д. 22, л. 71.
- ³⁵ Там же, л. 155.
- ³⁶ Там же, л. 167.
- ³⁷ ЦГАСА.— Ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 317.
- ³⁸ Газета «Свет», № 425, 1920, 1 октября.— Харбин.— С. 2.
- ³⁹ Там же, № 430, 7 октября 1920 г., с. 3.
- ⁴⁰ ЦГАСА.— Ф. 185, оп. 3, д. 1124, л. 25.
- ⁴¹ Там же, д. 1125, л. 17.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, д. 1124, л. 54.
- ⁴⁴ Там же, д. 1127, л. 87.
- ⁴⁵ Там же, л. 151.
- ⁴⁶ Там же, д. 1127, л. 92.
- ⁴⁷ ЦГАСА.— Ф. 185, оп. 3, д. 1125, л. 12.
- ⁴⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР.— М.: Сов. Энциклопедия, 1983.— С. 112—113.
- ⁴⁹ Там же, с. 113.
- ⁵⁰ Газета «Шанхайская заря», 1928, 19 февраля, с. 4.
- ⁵¹ ЦГВИА.— Ф. 409, оп. 1, д. 35256.
- ⁵² Институт Войны, Мира и Революции им. Гувера.— Стэнфорд, шт. Калифорния, США. Блок Федичкина. Неопубликованная рукопись Федичкина на русском и английском языках. Русский.— С. 3.

- ⁵³ Там же. Английский вариант.—С. 7—8.
- ⁵⁴ Там же. На английском языке.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.—С. 5.
- ⁵⁷ Там же. В рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР находится ксерокопия оригинала.
- ⁵⁸ Там же. Ксерокопия документа.
- ⁵⁹ ЦГВИА.—Ф. 409, оп. 1, д. 179031.
- ⁶⁰ Там же, оп. 2, д. 11844, л. 25.
- ⁶¹ Там же, оп. 1, д. 179031.
- ⁶² Там же, л. 11.
- ⁶³ Там же, оп. 2, д. 11844, л. 21.
- ⁶⁴ ЦГВИА.—Ф. 409, оп. 2, д. 11844, л. 20.
- ⁶⁵ Там же, оп. 1, д. 179031, л. 3.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Рукописный фонд Удмуртского Института истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, оп. 3, д. 122, л. 267—281.
- ⁶⁹ Газета «Прикамье», № 10, 1918, 13 сентября. Данные подтверждаются и сведениями Красной Армии. См.: ЦГАСА.—Ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 46.
- ⁷⁰ Плеханов Г. В. Избранные произведения.—Т. II.—М.: Политиздат, 1956.—С. 326.
- ⁷¹ Сергеев В. Л. Ижевск в огне гражданской войны. 1917—1918 годы.—Ижевск, 1927.
- ⁷² Там же—С. 81—82.
- ⁷³ Журнал «Новый мир», 1960, № 11.
- ⁷⁴ Крупская Н. К. Избранные сочинения. 1932.—Т. II.—С. 165.
- ⁷⁵ ЦГАСА.—Ф. 39499, оп. 2, д. 39, л. 57.
- ⁷⁶ Там же, д. 154, л. 23.
- ⁷⁷ Там же, л. 34.
- ⁷⁸ Там же, л. 35.
- ⁷⁹ Там же, л. 165.
- ⁸⁰ Там же, л. 210.
- ⁸¹ Журнал «Пролетарская революция».—М.—Л., 1924, № 89.
- ⁸² ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 302, л. 211.
- ⁸³ Там же, ф. 185, оп. 3, д. 395, л. 84.
- ⁸⁴ Там же, д. 395, л. 104.
- ⁸⁵ Там же, д. 982, л. 74, 83; д. 395, л. 104.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Константинов С. И.</i> Роль В. И. Ленина, Коммунистической партии в определении боевых задач Восточного фронта и организации их выполнения (июнь 1918—январь 1920 гг.)	3
<i>Дмитриев П. Н.</i> Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной — летом 1918 года	33
<i>Куликов К. И.</i> Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы	57
<i>Дмитриев П. Н.</i> Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания — орган власти мелкобуржуазной контрреволюции в Удмуртии в 1918 году	90
<i>Куликов К. И.</i> Руководители Ижевского восстания	127
<i>Родионов Н. А.</i> Иностранцы интернационалисты на защите завоеваний Великого Октября в Удмуртии (1917—1920 гг.)	165

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УДМУРТИИ 1918—1919 гг.

Сборник статей

Редактор *К. И. Куликов*
Технический редактор *В. Ф. Песоцкая*
Корректор *Т. П. Четкарева*

Сдано в набор 19.04.88. Подписано к печати 29.06.88. НПО2346. Формат 60×84 1/16. Бумага тетрадная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10.23. Усл. кр.-отт. 10.23. Уч.-изд. л. 12,1. Заказ № 0164. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР.

Адрес института: 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Республиканская типография Государственного комитета УАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.